

ИГОРЬ МАРТЫНЮК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Камо грядеши, украинская академическая наука?

Габович О., Кузнецов В., Семенова Н. Українська фундаментальна наука і європейські цінності / Відп. ред. Кузнецов В. — К.: Вид. дім “Києво-Могилянська академія”, 2015. — 208 с.

В прошлом году вышла в свет научная монография, которая не может остаться без внимания тех, кого волнует дальнейшая судьба отечественной науки. В условиях кризисной ситуации, сложившейся в украинском обществе накануне четвертьвековой межи в существовании самостоятельного украинского государства, проблемы фундаментальной науки, казалось бы, не являются самыми острыми и неотложными. Но поскольку интеграция в европейское сообщество ныне провозглашена стратегическим ориентиром общественного развития и — самое главное — легитимирована усилением поддержки со стороны широчайших слоев населения, совместное произведение представителей разных научных дисциплин — физика, философа, юриста, демонстрирующее тщательный многосторонний анализ возможностей и перспектив фундаментальной науки с учетом эпистемологических вызовов современности, весьма актуально и своевременно.

Является ли нынешняя организация украинской академической науки лучшей из возможных? Способствует ли она возрождению украинского общества? Можно ли считать своевременным всесторонний анализ состояния украинской науки с использованием общепринятых в мировой науке критериев? Какое место в системе организации науки должны занимать европейские ценности? Не претендуя на окончательность ответов на эти и другие вопросы касательно состояния дел в академической науке, авторы предлагают важную инсайдерскую информацию; рассматривая определенные концептуальные аспекты исследования науки: ценностный, терминологический, философско-правовой, когнитивный и наукометрический, обосновывают остро критические оценки эффективности унаследованных с советских времен механизмов формирования научной элиты Украины.

Авторы справедливо утверждают, что наука не находится в “башне из слоновой кости” в процессе выработки нового знания и поиска путей его практического при-

менения в рамках существующих социальных, культурных, политических, экономических, ценностных условий и традиций. Продолжающаяся кардинальная трансформация этих условий в современной Украине не может не отражаться на организации науки, неудовлетворенность которой разделяют как защитники, так и критики нынешней системы. Другое дело, что их взгляды в отношении путей выхода из критического состояния кардинально разнятся: защитники связывают надежды на расцвет науки с существенным увеличением ее финансирования в рамках действующих организационных структур. Тогда как критики, к которым есть все основания отнести и авторов книги, полагают, что условием прогресса украинской науки является реформирование ее институциональных устоев с учетом мировой практики и опыта преобразований в странах бывшего социалистического лагеря.

Во вступлении авторы кратко характеризуют проблему соотношения ценностей научного знания (в частности таких, как объективность, интерессубъективность, истинность, непротиворечивость, воспроизводимость, возможность верификации, обоснованность, точность, согласованность, системность, потенциальная и реальная практическая полезность, перманентное развитие и др.) и системы ценностей, созданных европейскими нациями и доминирующих сегодня в цивилизованном мире, раскрывая закономерности их взаимосвязи.

При обращении к реальности украинской науки предметом дискурса выступает возможность ее полноправного вхождения в европейское и мировое научное пространство. В результате осуществленного анализа ряда законодательных актов и нормативных документов собственно НАН Украины авторы пришли к выводу (весьма полемическому, с моей точки зрения), что интеграция украинской академической науки с международным научным сообществом на практике реализуется путем интеграции с евразийским русскоязычным научным пространством. А все разговоры украинского научного истеблишмента об интеграции с мировым научным пространством, то есть с англоязычной средой, прежде всего с его евроатлантическим ядром и Японией, носят сугубо ритуальный и декларативный характер (с. 19). Впрочем, пламенную авторскую риторику можно простить, поскольку действительно существует вполне реальная угроза псевдореформирования, что неминуемо приведет к окончательному упадку украинской науки.

В первой главе авторы подчеркивают, что при рассмотрении академической организации научной деятельности нужно учесть многозначность слова “академия” и производных от него слов. Выяснить особенности того или иного типа академии авторы пытаются, рассматривая некоторые принципиальные аспекты организации научной деятельности в разных странах. Притом, что все они позиционируют себя как самоуправляемые организации, главной провозглашенной целью существования или миссией которых является получение нового научного знания и его практическое применение, обнаруживается существенное различие между академиями в качестве поддерживаемых преимущественно за государственный счет объединений исследовательских учреждений (государственными академиями) и добровольными объединениями ученых, которые авторы предлагают называть научными клубами. Соответственно и членство в них носит разный характер, наделяет их членов различными правами и налагает на них разные обязанности. Если членство в академиях типа научного клуба является престижным, но не влияет непосредственно на доходы их членов, то в государственных академиях академики получают пожизненную стипендию. Авторы выражают крайне негативное отношение по поводу этой практики, что можно в определенной мере признать обоснованным, поскольку такая стипендия предоставляется фактически за предыдущие заслуги, и вопрос о ее целесообразности действительно заслуживает внимания, особенно когда действительные члены или члены-корреспонденты одной из шести украинских академий после избрания в состав академии не ведут научной деятельности. Однако считаю, что этот вопрос следует рассматривать в контексте реформирования системы материального поощрения украинской научной элиты в целом.

Рассматривая типы членства в НАНУ, авторы полагают, что “все и с точки зрения юридической, и с точки зрения обыденной очень запутанно, а именно: функция принадлежности к ней является композицией общей функции принадлежности и персональной функции принадлежности... Устав НАНУ выделяет в НАНУ группу “персональных” членов. Он различает “персональных” и “неперсональных” (обезличенных?) членов. Первые являются ее действительными членами, членами-корреспондентами и иностранными членами, а вторые — остальным массивом научных сотрудников, современных посполитых, которые должны обслуживать полноправную академическую шляхту” (с. 33). Заметим, что приведенная метафора не только неточна, но и, по моему мнению, некорректна по этическим соображениям. Проработав в НАНУ более 30 лет, имел возможность неоднократно сотрудничать с академиками и членами-корреспондентами, но как-то не приходилось кого-либо из них “обслуживать” или чувствовать себя интеллектуальным крепостным. В общем, полагаю, в данном случае неправомерно смешиваются понятия члена (члена-корреспондента) академии и ее сотрудника (данная категория, в свою очередь, делится на научных сотрудников и технических). Поэтому весьма спорной представляется формула, согласно которой персональная функция принадлежности приписывает действительным членам значение, равное 1, членам-корреспондентам — условное значение 0,5, иностранным членам — 0,25, а “простым” научным работникам — 0 (с. 34).

Следующий пассаж касается потенциала украинской науки и проблем его использования. К сожалению, вместо предметного рассмотрения состояния и возможностей разных отраслей отечественной науки авторы просто констатируют прописные истины о том, что критерии эффективности научной деятельности не могут быть одинаковыми для оценки результатов в математике и истории, физике и философии, экономике и литературоведении, материаловедении и археологии, химии и медицине, праве и педагогике и т.п. (с. 38), и лихо развенчивают “псевдомарксистское словоблудие” ряда академических авторов еще советских времен. Такого рода полемика отнюдь не приближает к реализации собственно авторской задачи. Тем более, что способ оценивания предлагается довольно тривиальный: подсчет количества публикаций и ссылок на них, которые служат универсальным библиометрическим (числовым) мериллом для оценки научной деятельности. Сознывая небезупречность этих и подобных им параметров, авторы, тем не менее, отмечают, что “они позволяют ввести математические оценки эффективности, а это несомненный шаг вперед по сравнению с распространенными в определенных руководящих кругах пустыми оценочными высказываниями типа “самый лучший/первый/впервые в Украине” (с. 38–39). К сожалению, предметный анализ преимуществ и недостатков вновь подменяется обычным критиканством. Что касается преимуществ возможности арифметической оценки эффективности науки, то, во-первых, непонятно, почему считается, что при этом измеряется именно эффективность, во-вторых, формализация показателей всегда создает опасность бюрократизации и потери смысла (например, деление статей на “ваковские” и “неваковские”, при котором глава в фундаментальной монографии не засчитывается как научное достижение соискателя ученой степени), в-третьих, это открывает пути к манипуляциям (вспомним, как подсчитывала мачеха Золушки в известном кинофильме: “Король сказал “хи-хи” трижды, улыбнулся дважды... Я не я буду, если не добьюсь на этом основании для моих дочерей звания первых красавиц королевства!”). Наконец, кто мешает нескольким десяткам посредственных ученых с помощью интернета договориться о взаимном цитировании, набивая таким образом индекс цитируемости? Поэтому не поддерживая хвастливого голословия “самый лучший/первый/впервые”, считаю, что нужно осторожнее относиться к библиометрии, которой нередко пытаются подменять наукометрию. Считаю перспективным сочетание количественных и качественных методов оценки эффективности научных разработок.

Гораздо более уместным и обоснованным в плане оценивания потенциала науки представляется обращение авторов к такому интегральному макросоциальному

показателю как наукоемкость ВВП. Несмотря на принципиальное методологическое несовершенство (поскольку стимулирует затратный механизм при финансировании научных исследований), он дает определенную объективную информацию о наукоемкости производства, то есть практической задействованности результатов научных поисков. В Украине этот показатель один из самых низких в Европе и продолжает падать. Как снисходительно утверждают авторы монографии, “виновна” за этот низкий показатель не только НАНУ, ведь несмотря на справедливую критику этой организации, в том числе приведенную выше, она является самым лучшим распорядителем денег, выделяемых государством на научную деятельность” (с. 40). Непонятно, в чем хотя бы доля вины Национальной академии, если здесь же авторы признают оптимальным использование поступлений в условиях явно недостаточного финансирования?

И действительно, “безусловно, внедрению в производство потенциала и достижений украинской науки мешает ряд объективных обстоятельств...” (с. 40), только дело в том, что анализ этих обстоятельств полностью заимствован из материалов Президиума НАНУ, которую авторы без усталости критикуют. Единственное, чем авторы дополняют данный анализ, — это риторический вопрос (цитирую): “Странно, но руководители академической науки не обращают внимания на информационный вакуум, в котором оказалась отечественная наука. О каком вхождении в европейское исследовательское пространство украинской науки в целом, а не ее отдельных представителей, может идти речь, если она, и особенно ее социально-гуманитарная составляющая, практически отключена от информационных потоков — научных журналов, монографий, международных конференций?” (с. 41–42). Да, хотелось бы более широких возможностей информационного обмена, однако благодаря интернету положение ныне не такое катастрофическое, как представляется авторам.

Во второй главе значительное внимание уделено правовым основам функционирования науки; при этом правомерно подчеркивается, что отношение общества в целом и научного сообщества в частности к необходимости правового сопровождения деятельности научных учреждений и обеспечения ее правовых оснований остается неоднозначным, а нередко и скептическим и даже негативным — вследствие традиционных юридических практик советской эпохи. На основании критики существующих форм организации академической науки, которая, по мнению авторов, при всех внешних декоративных признаках мнимой демократичности остается заповедником авторитаризма (с. 50), вопрос не сводится к декларации принципа верховенства права — без радикального изменения законодательства о науке в ней невозможны позитивные изменения, даже если существенно увеличить ее финансирование.

Основоположными правовыми принципами образования и деятельности Украинской академии наук (УАН), провозглашенной в 1918 году, по мнению авторов, пренебрегли, их исказили, поскольку выпестованная коммунистической системой модель управления наукой могла быть навязана обществу только путем построения научных организаций с жесткой иерархической структурой. Такие организации воспроизводили организационную модель управления внутри КПСС. Следует согласиться с мнением, что коренные изменения общества и государства в независимой Украине не затронули основ организации науки и способов формирования руководящего научного слоя в Украине (хотя идеологизированность этого процесса и прямое влияние власть имущих заметно уменьшились).

Изучая правовое нормотворчество времен независимой Украины в сфере науки, исследователи прежде всего прибегают к анализу положений Закона Украины “Об основах государственной политики в сфере науки и научно-технической деятельности”, который позже, в 1998 году вместе с внесенными изменениями получил новое название “О научной и научно-технической деятельности” (далее — Закон о науке или просто Закон). Его назначение, как отмечено в монографии, — выстроить несущий каркас схемы регулирования общественных отношений в сфере науки в Украине. Но, как справедливо отмечается, весьма туманно выписаны нормы, кото-

рые должны создавать хотя бы общее представление об организационно-правовом статусе академий в качестве юридических лиц. Абсолютно неопределенными остаются принципиальные правовые вопросы: к какому именно виду юридических лиц относятся академии — к тем, что объединяют имущество, или к тем, что объединяют лиц? Если же лиц, то каких именно — физических или юридических, а если последних — то субъектов частного или публичного права? Нельзя не согласиться, что, учитывая принципиальную важность науки для существования и развития современного государства, эти и другие относящиеся к научной деятельности нормы должны быть урегулированы в иерархии нормативных актов на уровне, не ниже “закона”, специальный порядок принятия которого (по сравнению с актами низшего уровня) наилучшим образом гарантирует выполнение принципа верховенства права в демократическом правовом государстве. И лишь остальные правоотношения, которые могут возникнуть в процессе деятельности организации — второстепенные степени свободы управления — регулируются уставами. Это — зона самоуправляемости (автономии) организаций, границы которой определяет закон. Закон делегирует общим собраниям исключительные и исчерпывающие полномочия как в нормотворческой, так и в исполнительной сферах деятельности академий.

Сравнивая объем полномочий в научной сфере, данных академиям и органам государственной власти, авторы приходят к логическому выводу о том, что первым делегирован преобладающий объем власти в отрасли. То есть обладая такими всеохватывающими полномочиями, именно общие собрания возлагают на себя роль академий в оказании ими априори решающего влияния на деятельность всей научной сферы и формировании научной элиты Украины. В то же время исследователи правы в том, что законодательство не определяет главного — кто является членами общих собраний (возможно, ими являются не только физические лица?) и каков порядок выборов этих членов? Неопределенной на уровне закона остается и связь между членами общих собраний и членами академий: это одни и те же лица или разные?

Таким образом, рассматривая современное регулирование правоотношений в научной сфере, роль и статус академий, авторы монографии подчеркивают, что “порядок формирования общих собраний определяет ни много ни мало — властных субъектов в отрасли и характер власти (либо новый, демократический, либо прежний, тоталитарный). Этот порядок остался за рамками как действующего Закона, так и Проекта нового. А значит вопрос о власти в академиях решается в кулуарах, произвольно, то есть коррупционно” (с. 68). Даже отбросив логически неправомерное отождествление произвольности принятия решений и коррупции, нельзя пренебрегать самой постановкой проблемы, как и не согласиться с выводом, что урегулирование вопроса на уровне закона максимально обеспечит правозащитность (legality) и конституционность его норм. Предлагая закрепить нормы регулирования этих вопросов законодательно, авторы не посягают на самоуправляемость как НАН Украины, так и остальных пяти действующих в стране академий; справедливо отмечается, что самоуправление как таковое служит обычным, неотъемлемым и необходимым средством обеспечения должного уровня автономии, свободы в принятии решений. Но одно дело, если самоуправляемость касается сферы вопросов, отведенных законом для внутрикорпоративного регулирования, а другое — когда речь идет о сфере, регулирование правоотношений в которой относится сугубо к полномочиям законодателя.

Значительное внимание в монографии уделено дискурсу положений Устава НАНУ, как с точки зрения противоречивости признаков принадлежности к определенному типу организации (по типу объединения лиц или имущества), так и касательно ряда анахронизмов в системе самоуправления. В частности, на стр. 84 приводится следующий вывод: “проведенный системный анализ норм Устава в отношении важных аспектов избирательной системы академий не оставляет никаких надежд на демократичность организации власти и формирования элит в отрасли. Власть всецело принадлежит группам людей, которые по установленным ими же правилам получили эту власть, став академиками и членами-корреспондентами (в

основном еще в советские времена). Об этом свидетельствуют нормы, которые устанавливаются, кого избирают академиками и членами-корреспондентами: абсолютно размытые критерии такого членства (“выдающиеся достижения” и “выдающийся вклад”), жесткая квота членства и его пожизненный характер, не связанный с результативностью научной работы, пожизненная плата за членство...” Даже если абстрагироваться от полемической риторики авторов, вряд ли удастся опровергнуть их правоту о назревшей необходимости демократических изменений в системе академического самоуправления.

В третьей главе читателю предлагается беглое популярное изложение концепции элит и более детальное рассмотрение как частного случая научной элиты и критериев ее формирования. Полагаю, авторы абсолютно правы, утверждая, что единственным критерием для отбора членов научной элиты должны быть самостоятельно полученные ими новые научные результаты. Справедливым представляется также следующее мнение: “Практика применения каких-либо иных критериев или, как у нас нередко случается, отбора при отсутствии определенных критериев на основании сугубо личных отношений (например, землячества) между субъектами процесса приводит к ухудшению качества элиты...” (с. 110). Беспокоит другое: новым знанием провозглашается то, что публикуется в рейтинговом научном журнале. “Публикация статьи в профильном журнале означает создание потенциальной возможности для ознакомления мирового сообщества специалистов в соответствующей науке с новыми знаниями, содержащимися в статье. При отсутствии таких публикаций никакие научные результаты, какими бы важными они ни были *per se*, не могут быть признаны другими учеными и не будут оказывать никакого влияния на развитие соответствующей системы научного знания” (с. 107). Но как бы ни ангажировалась конкурентность публикаций в изданиях, принадлежащих к европейско-атлантическому исследовательскому пространству, престижность размещения материалов в данных изданиях оказывается не чем иным, как “фирменным знаком”, повышающим стоимость товара независимо от его потребительских свойств. Поэтому существует опасность элитизации записных авторов этих изданий не по качественному содержанию информации, а по формальному признаку “принадлежности к клубу”, против чего яростно выступают авторы монографии.

Уместно поднимая вопрос о критериях создания нового знания и выражая обеспокоенность качеством определенных научных разработок в разных отраслях украинской науки, прежде всего — обществоведческой, авторы, к сожалению, сами не предлагают никаких новых разработок по этому поводу. Апологетика постоянного общественного контроля за деятельностью существующих элит, в том числе и научной (с. 111), что якобы свойственно демократическим обществам, несколько идеализирует возможности гражданского общества на Западе (хотя нельзя не признать, что по сравнению с постсоветскими они гораздо шире), что же касается возможностей такого контроля в сфере науки, уместно вспомнить ироничные строки из песни В.Высоцкого: “Ведь мы тогда нагреем с лопатами и вилами...” Миф об успешной борьбе сознательных одиночек, сплывающих общественность против “сумасшедших гениев”, неоднократно использовался, в частности, в американском кинематографе. Поэтому от авторов следовало бы ожидать анализа практик (как успешных, так и провальных) общественного контроля за исследованиями в тех демократических странах, практики которых можно было бы культивировать в Украине. К сожалению, в монографии, на титульном листе которой значится “научная” (а бывают другие монографии?) анализ подменяется декларациями.

Несколько популистскими, если не сказать — демагогическими, выглядят “архистрокритические” рефрены в адрес персональных членов НАНУ типа: “...преобладающая часть академической элиты известна отнюдь не своими научными работами, а тем, что последовательно продвигалась по ступеням “научно-организационной” карьеры, не утруждаясь нудным и тяжким, по ее господскому мнению, производством нового знания” (с. 111). Выдвижение такого рода обвинений должно

подтверждаться конкретикой — фамилиями и адресными оценками или хотя бы статистическим анализом работ. Например, несколько лет назад (2010 год) А.В.Копелев защитил кандидатскую диссертацию по социологии на тему “Социологическая теория: социально-исторические основания, построение и трансформация”, в которой, в частности, на основе статистических методов и метода *контент-анализа* исследовал защищенные работы в сфере социологии, установив, что вопросам теории и методологии посвящено около 2% из них. Что касается персоналий, то не берусь судить о достижениях более шестисот академиков и членов-корреспондентов НАНУ — и не потому, что боюсь критически высказаться о ком-то конкретно, просто не обладаю необходимой для этого энциклопедической эрудицией. Но я много лет проработал с академиком НАНУ Ю.Н.Пахомовым (который, к сожалению, недавно ушел из жизни), с членами-корреспондентами НАНУ Л.В.Сохань и Н.А.Шульгой. То, что в свое время Лидия Васильевна защитила докторскую диссертацию по научному коммунизму, не помешало ей создать украинскую школу исследования жизнотворчества, и я горжусь тем, что называю себя, как и десятки украинских социологов, психологов, педагогов, ее учеником. Советское и депутатско-министерское прошлое не мешает Николаю Александровичу Шульге самостоятельно писать и публиковать по несколько научных статей в год, его творчество вызывает лично у меня профессиональный интерес и уважение. Считаю названных мной людей масштабными фигурами в отечественной науке и хотел бы узнать у авторов монографии, относят ли они их к заклеянным в качестве бездельников большинству академического истеблишмента. И если “да”, то согласиться не могу. Что касается остальных — судить не берусь. Но похоже, что авторы переступили черту между критикой и критиканством.

Однако я не собираюсь переводить дискуссию в русло публицистической полемики. Вернемся к вопросу о критериях кооптирования в научную элиту (как вновь и вновь возвращаются к нему в тексте авторы). Полагаю, что при этом имеет место подмена критерия продуцирования нового знания другим, а именно — способом его распространения. Цитирую: “Одним из самых важных критериев (позитивной) оценки академических научных работ и, таким образом, принадлежности их авторов к научной элите, является публикация в авторитетных международных изданиях... о реальном соответствии мировому уровню определенных научных работ можно говорить только в случае их публикации в ведущих международных научных журналах и издательствах” (с. 113). Авторы руководствуются простой аналогией с изучением конкурентоспособности товаров. Якобы, во-первых, нужно выяснить, попадает ли вообще этот товар на мировой рынок. Во-вторых, необходимо изучить, пользуется ли он спросом. Но ведь это вопросы качества промоутерства, а не качества товара. Поэтому считаю логическим ошибочным тезис о том, что “при отсутствии таких публикаций любые утверждения о достижении украинскими учеными мирового уровня не имеют никаких эмпирических оснований. Даже гениальный труд, на много лет опережающий существующий уровень знаний, останется вещью в себе и не станет новым важным мировоззренческим и (или) общественным фактором, признанным научным сообществом, если он не напечатан в таких журналах и издательствах” (с. 113–114). С последним допущением я бы согласился, если бы точка была поставлена после слова “напечатан”. Путь, который предлагают исследователи, по моему мнению, является апологетикой тех сомнительных реформ, которые пытается внедрять МОН Украины, перекроив украинскую науку (и образование, кстати) по американским образцам, хотя для этого нет соответствующих общественных предпосылок. В таком случае перспективой для украинских ученых будет замкнутый круг: работы никому не известных украинских авторов не будут попадать в те наиболее престижные профессиональные издания, поскольку будут снижать их рейтинг, следовательно, отечественные ученые по-прежнему будут оставаться неизвестными, какими бы содержательно новыми ни оказались их достижения. Убежден: вместо того, чтобы поодиночке пробиваться сквозь преграды неангажированности, нужно осуществить интервенцию в

мировое научное пространство украинских профессиональных изданий, приглашая публиковаться в них известных в мире специалистов и бесплатно распространять подобные издания, отдавая себе отчет в неизбежности финансовых убытков в течение некоторого времени. То есть пытаться конкурировать на уровне изданий, а не разрозненных отдельных публикаций. Кто мешает, например, переводить на тот же английский язык не 21 из 80 (как отмечают авторы), а все академические журналы. Преодоление языкового барьера организациями, а не силами отдельных ученых, более перспективно с точки зрения выхода украинской науки из состояния самоизоляции (на что справедливо указывают авторы). Другое дело, что это требует и организационных изменений, и финансовых затрат, и повышения ответственности отечественного научного сообщества за свои достижения.

В четвертой главе представлены авторские суждения по поводу европейского наукометрического видения науки и научной элиты Украины. Авторы подчеркивают, что при избрании новых членов академии в Украине “главную роль играют не профессиональные оценки научных достижений претендентов, а далекие от научных отношения разных групп влияния и давления. Осознание этого обстоятельства было одним из факторов отказа в западном научном сообществе от институтов, подобных НАНУ, то есть от механического собрания академиков — официально признанных специалистов по разным научным дисциплинам. На Западе на передний план внутренней оценки выдвинули оценивание со стороны узкоспециализированных профессиональных групп — анонимных экспертов-рецензентов, которые постоянно привлекаются ведущими профессиональными периодическими изданиями...” (с. 126–127). В своем “крестовом походе” против академической верхушки авторы вновь нарушают законы логики, когда, в одном случае, речь идет об избрании новых персонифицированных членов академии (на основании оценки их вклада в науку), а во втором — об экспертизе отдельных опусов. Можно лишь приветствовать практику двойного “слепого” рецензирования, однако процедура тайного голосования на академических выборах дает не меньше возможностей для отклонения недостойных кандидатур. Можно согласиться, что сакрализация определенных фигур через академические “погоны” вредна, поскольку никто не имеет монополии на истину и всегда уместным остается вопрос “а судьи кто?”. Но то, что “библиометрические показатели типа индекса цитирования остаются самым лучшим среди возможных ориентиров” (с. 132), не может не вызывать сомнения, ведь цитирование тех или иных источников в значительной мере зависит от многих факторов; господствующей парадигмы, популярности (“раскрученности”) издания или автора, устойчивости научного авторитета, научной моды, “цитабельности” (красоты формулировок мнения, порой заимствованного) и т.п. — и не является гарантией от сакраментального “а король-то голый!”.

На фоне публицистики, которой пестрит начало главы, гораздо уместнее выглядит анализ достижений украинских ученых согласно данным Scopus. Проведенный по европейским стандартам количественный наукометрический анализ производительности украинских академиков и их нетитулованных коллег в сфере естественных наук, как доказывают авторы, не показал никакой корреляции между академическим рангом и научной производительностью его носителей. Более того, академики и члены-корреспонденты в среднем заметно проигрывают по сравнению с “простыми” докторами и кандидатами наук того же возраста (с. 134–135). Можно согласиться, что проблема сравнения по производительности труда академиков и членов-корреспондентов с менее титулованными коллегами (а также с их собственными достижениями в период, предшествовавший избранию, — наверняка, не все выдерживают испытание “медными трубами” славы) действительно требует изучения и взвешенной оценки. Но исследователям вряд ли стоило прибегать (в частности, когда речь идет о презентации истории и археологических памятников Украины западному научному сообществу) к явно тенденциозным высказываниям типа “...украинские интеллектуалы и низшей, и высшей академической пробы оказались

неспособны на умственные усилия, которые было бы не стыдно показать на людях. Поэтому даже убогие российские империалистические соловушки на фоне украинских академиков выглядят носителями “неоспоримой истины” об Украине” (с. 135). Такие спекуляции, как и персональные выпады в адрес академика П.П. Голочко или профессора В.А. Малахова (с. 136–137) по поводу негативной оценки Майдана отнюдь не добавили рецензируемой работе аргументированности и убедительности. Тем более категорически не согласен с выводом, венчающим параграф о скопусовских оценках украинской научной элиты: “Таким образом, интеллектуальная бездарность и пророссийская ориентированность социальное-гуманитарного академического сообщества Украины, на которое напрасно пытаются опереться отечественные политические круги, является, по сути, скрытым, а иногда и явным предательством интересов собственной страны” (с. 137). Во-первых, приверженцы юридического упорядочения деятельности академий априори должны были бы обладать тем уровнем правового сознания, который позволяет удерживаться от публичных оскорблений, тем более — необоснованных обвинений в предательстве интересов Украины (хотя бы учитывая возможные последствия подобных оценок); во-вторых, связь этой “жемчужины” авторской риторики с рассматриваемым вопросом о наукометрических рейтингах можно отыскать исключительно в контексте известной поговорки о бузине в огороде и киевском дядюшке.

Далее авторы резюмируют свои интеллектуальные изыски неожиданным выводом: “Таким образом, наше исследование свидетельствует о том, что настоящую ответственную научную элиту (и науку, точнее, отдельные науки мирового уровня) украинскому обществу еще предстоит создать” (с. 143) и что “правильный подход — это осторожное, но быстрое реформирование НАН с переориентацией приоритетов на фундаментальные исследования, передачей ее гигантских прикладных институтов в ведение Министерства экономики/экономической политики, внедрением принятых в мировом научном сообществе ценностей, критериев и оценок результатов научной деятельности, демократии и ответственности субъектов научной деятельности за государственную финансовую поддержку” (с. 144). К сожалению, детали сценария “быстрого, но осторожного” реформирования отечественной академической науки остаются не прописанными (если не принимать во внимание приведенные в пятой главе монографии, которая фактически представляет собой приложения в виде текстов выступлений, писем, предложений к проекту “Концепции развития научной сферы Украины” десятилетней давности), а ведь, как известно, “дьявол кроется именно в деталях”.

Завершая размышления над книгой, должен констатировать, что она производит неоднозначное впечатление. С чем-то безусловно соглашаешься, с чем-то — не менее категорически нельзя согласиться, над чем-то следует подумать. Время покажет, какие из идей окажутся конструктивными, какие — невостребованными, а какие — неприемлемыми и даже вредными. Но привлекает в авторской позиции откровенное безразличие к судьбе отечественной фундаментальной науки, и уверен — из этой “наболевости”, многолетних разочарований от пробуксовки реформ и проистекает порой чрезмерная резкость и раздраженность критики существующего состояния дел. А то, что “не все в порядке в академическом королевстве”, — очевидно.

В завершение размышлений приведу еще одну цитату из монографии: “Даже получив признание, ученый обязан ежедневным трудом подтверждать собственный высокий уровень, непрерывно сдавая большие или малые неформальные экзамены на конференциях, в ответах на язвительные замечания рецензентов в научных журналах, в ходе круглых столов по актуальным научным вопросам. Причем социальным исследователям труднее, чем естествоиспытателям, поскольку к профессиональному контролю добавляется придирчивый интерес широкой публики” (с. 111). Разделяя высказанное мнение, от души желаю авторам, чтобы интерес к их произведению не ограничился придирчивыми замечаниями рецензента, и книга вызвала должный интерес широкой публики.